

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 902.652

МОНГОЛЫ НА ДОНУ: ВОССОЗДАНИЕ УТЕРЯННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМИ МЕТОДАМИ

© 2021 г. Н. В. Леонова¹, Н. И. Шишлина^{1,2,*}, А. Ю. Лобода³, Н. Г. Солошенко⁴

¹ Государственный исторический музей, Москва, Россия

² Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия

³ Национальный исследовательский центр “Курчатовский институт”, Москва, Россия

⁴ Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

*E-mail: nshishlina@mail.ru

Поступила в редакцию 02.06.2021 г.

После доработки 23.06.2021 г.

Принята к публикации 23.06.2021 г.

Исследование разрушенного захоронения в балке Большая Элиста Ремонтненского района Ростовской области позволило получить дополнительные данные о “биографии” средневекового мужчины 45 лет. Воин-всадник погиб в событиях конца XIII века. Его похоронили в открытой степи в Балке Большая Элиста. Косвенным указанием на то, что воин мог быть монголом, является тип погребения – могила сооружена в профиле склона. Среди погребальных даров – детали средневекового уздечного набора и стремя для верховой езды. Медная чаша и сохранившийся фрагмент футляра из хлопка позволяют предположить, что мужчина мог относиться к воинскому монгольскому словию.

DOI: 10.1134/S1992722321050137

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью археологического источника является фрагментарность. Хотя традиционные направления его изучения не утратили своей значимости, применение естественно-научных методов уточняет исторический контекст и, более того, способствует воссозданию несохранившейся информации. Определение состава предметов из разных материалов, проведение радиоуглеродного датирования позволяют реконструировать “биографию” самого предмета и его владельца.

Цель настоящей работы – комплексное изучение захоронения эпохи монгольских завоеваний, обнаруженного на территории Сальско-Маньчских степей в балке Большая Элиста Степной археологической экспедицией Исторического музея в 2016 г. Захоронение было разрушено, однако сохранились кости человека и несколько предметов, типологический анализ которых позволил отнести его к эпохе средневековья и датировать в пределах XIII–XIV вв. В это время на юге Русской равнины произошло много событий, связанных с западными походами монгольских войск (с 1224 г.), сложением и развитием монгольского государства – Золотой Орды (с 1266 г.), Великой Заманной (1359–1380 гг.). За пределами южных границ русских княжеств сквозь Волго-Донские степи прошли многочисленные кочевые народы, их ар-

хеологический след – погребения безымянных участников передвижений.

Полученные новые данные по разрушенному захоронению в балке Большая Элиста позволяют дополнить страницы трагической летописи средневековой истории Восточной Европы.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Географический и археологический контекст. Балка Большая Элиста Ремонтненского района Ростовской области является притоком реки Джурак-Сал. Склоны балки покатые, в террасу врезана пойма с плоским дном; переход от склонов к поверхности террасы резкий; постоянный сток отсутствует. В профиле северного склона обнаружили погребение средневекового кочевника (рис. 1). Захоронение разрушено при строительстве дамбы, когда крутой склон балки был разрезан бульдозером, а земля из склона использована для создания запруды для водопоя скота. В захоронении сохранились только фрагменты нижних конечностей человека, ориентированные по линии север–юг, ногами на юг. Конструкция могильной ямы не прослеживалась. Рядом с костями ног лежали железные стремяна, фрагменты удила, металлическая чаша, внутри которой находились фрагмент ткани и железная ручка, кости

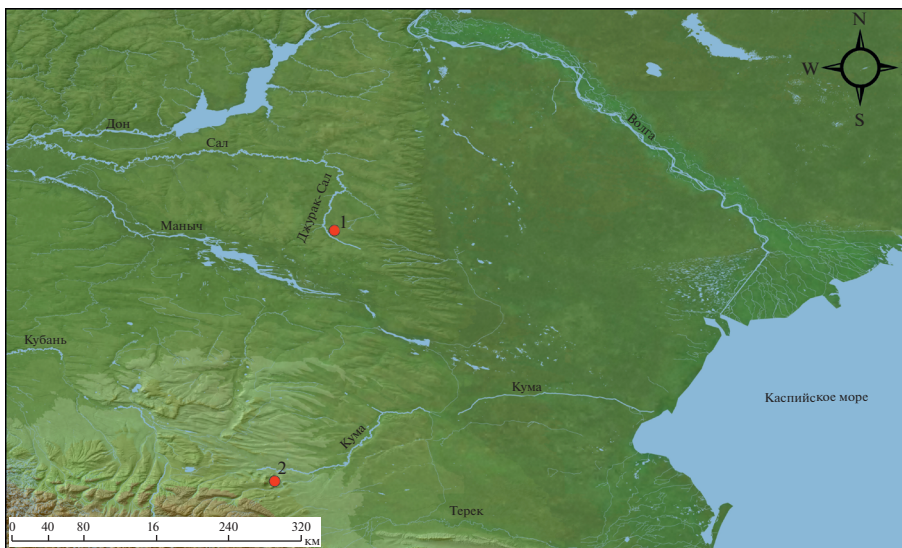

Рис. 1. Локализация памятников: а – разрушенное захоронение в балке Большая Элиста, б – могильник Иноземцево.

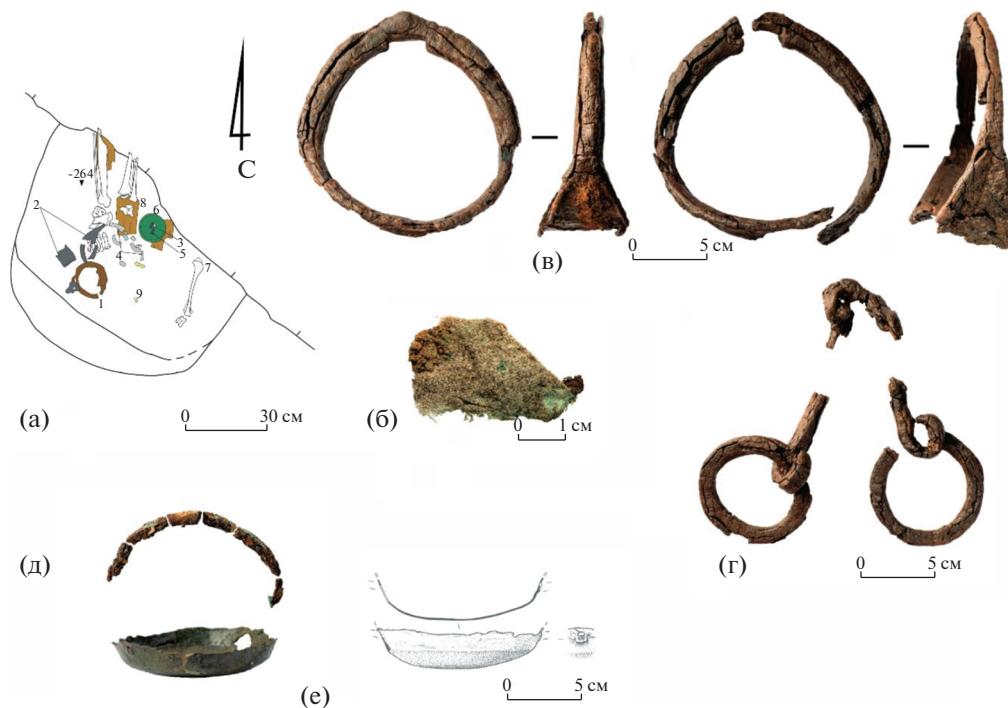

Рис. 2. Разрушенное захоронение в балке Большая Элиста: а – план (1, 2 – стремена; 3 – удила; 4 – чаша; 5 – фрагменты ручки; 5 – фрагмент ткани; 7 – кость овцы; 8 – фрагменты деревянной подстилки; 7 – фрагменты бересты); б – фрагмент ткани; в – стремена; г – удила; д – ручка; е – чаша.

овцы; под скелетом на дне – береста и тонкая древесная подстилка (рис. 2).

Типологический анализ предметов из погребения позволил соотнести железные стремена с отделом Д типом III по классификации Г.А. Федорова-Давыдова [1]: расплюснутая в верхней части дужка округлой формы с прорезью; прогнутая подножка с загнутыми внутрь краями, датиро-

ванная исследователем концом XII–началом XIII в. [1], однако по мнению других ученых такие стремена ближе к стременам отдела Д типа II, найденным в комплексах с монетами конца XIII–первой половины XIV в. [2].

Согласно классификации [1] удила относятся к отделу Г типу III: без псалиев, двусоставные, с большими подвижными плоскими в сечении

кольцами. Такой тип распространен во второй половине XIII–XIV вв. [1]. Подобные формы стремян и удила найдены в погребениях кочевников Нижнего Подонья, Южного Урала и Приуралья [2, 3].

Металлическая чаша по классификации [1] близка отделу В типу IV: она полусферической формы, свернутая или выкованная из листа металла, с железной ручкой. Такие чаши известны в Новом Сарае XIV в. [1]. По классификации Т.М. Потемкиной чаши с округлым дном из железа, меди или серебра относятся к типу I варианту 1 и датируются второй половиной XIII–XIV вв. [4].

Таким образом, широкая хронологическая атрибуция предметов из погребения в Балке Большая Элиста позволила отнести его к культуре средневековых кочевников, грунтовые могильники которых в степной зоне юга России практически не известны. Фрагментарность комплекса не позволила определить его более точный исторический контекст.

В рамках исследования разработали методику, направленную на извлечение “невидимого” археологического источника: антропологический анализ фрагментов костей; трасологический анализ миски и определение элементного состава металла; технологический анализ текстиля; изотопный анализ текстиля и сопоставительный анализ с фоновыми природными объектами; радиоуглеродное датирование углеродсодержащих образцов с применением ускорительной масс-спектрометрии (УМС).

Антропологический анализ фрагментов скелета провели в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН; ^{14}C датирование – в Радиоуглеродной лаборатории Познанского университета и в Центре коллективного пользования (ЦКП) “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” Института географии Российской академии наук совместно с Центром изотопных исследований Университета Джорджии. Полученные радиоуглеродные даты калибровали в программе OxCal 4.3 [5] с применением калибровочной кривой IntCal13 [6].

Технологический анализ ткани провели в Историческом музее при помощи стереомикроскопа Hund Wiloskop (Hund, Германия) в отраженном свете при увеличении от 6.7 до 45. Природу волокон определяли по морфологическим признакам. Использовали методы микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от 40 до 600 на поляризационном микроскопе Olympus BX51 (Olympus, Япония). Для работы готовили постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Сравнение проводили с эталонной коллекцией волокон.

Трасологический анализ чаши проводили в Историческом музее на электронном микроскопе Carl Zeiss Stemi 2000 ac (Stemi (Zeiss), Германия) с камерой AxioCam ERc5s (Carl Zeiss, Германия). Рентгенофлуоресцентный анализ выполняли на спектрометре M1 Mistral (Bruker, США). Анализ длился по 60 с при коллиматоре в 1.5 мм и напряжении 50 кВ. Расчет концентрации элементов в спектре проводили по безэталонному методу, что ограничивает точность анализа (погрешность для разных элементов составляет 0.5–1 мас. %) [7].

Отношения вариаций изотопов стронция в археологическом текстиле и природных образцах (улитках, растениях, эмали зубов животных) определяли методом мультиколлекторного масс-спектрометрического анализа в ЦКП “Геоаналитик” Института геологии и геохимии УрО РАН. Подготовку и измерение образцов проводили в чистых комнатах (классы 6 и 7 ИСО) согласно процедурам, описанным в [8, 9]. Измерения изотопного состава стронция проводили на масс-спектрометре с индуктивно-связанной плазмой Neptune Plus (Thermo Fisher Scientific, Германия).

Отметим, что геолого-геохимическая обстановка, характерная для того или иного региона, определяет изотопный состав стронция, который входит в растения и живые организмы, обитающие на изучаемой территории. Такие данные используют для определения вероятных сырьевых ареалов, связанных с разными геохимическими нишами, и для определения района происхождения растительного волокна.

Геологическое строение исследуемой территории отличается наличием горных пород от палеогена до эоплейстоцена. Основными вариантами почвообразующих пород в регионе являются глины майкопа и пески ергенинской свиты. Они занимают большую часть площади района исследований и широко распространены за его пределами. Майкопские отложения накапливались в морских условиях в течение длительного времени в палеогене и неогене.

Ергенинские отложения представляют собой аллювиальные отложения Палеодона (Ергень-реки), соотносимые с частью эоплейстоцена (апшеронского яруса Каспийского региона). Среди них преобладают кварцевые мелкозернистые пески; пески чередуются с глинами и суглинками. Ергенинские отложения (пески) тесно связаны со “скифскими” глинами, которые в районе работ имеют ограниченное распространение [10].

Для сопредельных территорий (Ергенинская и Ставропольская возвышенности, Приазовье) отмечаются широкие толщи лессовых пород [11]. Однако в районе исследований лессы не обнаружены. Вероятно, это связано с тем, что район работ относится к району “древнего бедленда” [12],

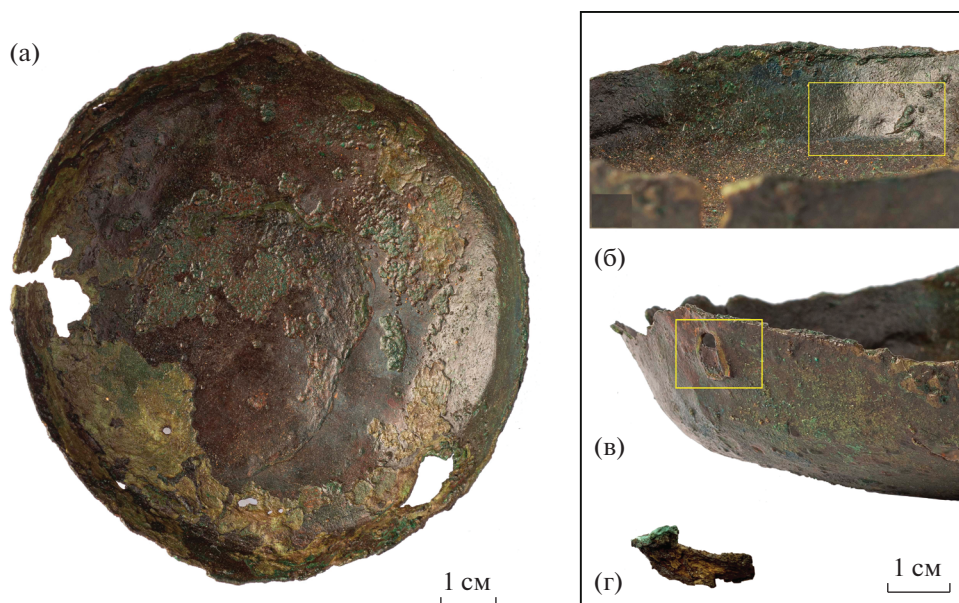

Рис. 3. Медная чаша из захоронения в балке Большая Элиста: а – общий вид сверху, б – следы ударов полукруглой формы на внутренней стенке и место крепления ручки с внешней стороны стенки, в – место фиксации ручки, г – фрагмент ручки.

где ранее были широко развиты активные овраги и лессовые породы были полностью смыты.

Таким образом, на изучаемой территории Сальско-Маньчской гряды представлены породы палеозойской (толща переслаивающихся песчаников, сланцев, известняков и углей), мезозойской (пески, песчаники, мергели, мел) и кайнозойской (пески, глины, мергели) эратем. Фундамент представлен сланцево-известняковым пластом, чехол – морскими осадочными пластами юрского, мелового и палеогенового периодов (песчаники и пески, известняки, мергели, глины), а также морскими, лиманно-морскими и континентальными отложениями неогенового периодов.

Для проведения сравнительного анализа использовали изотопные данные по фрагменту текстиля и образца грунта из средневекового захоронения 29 кургана у поселения Иноземцево Ставропольского края (коллекция Исторического музея) [13].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Антропологический анализ костей человека. Сохранились неполные большие и малые берцовые кости, кости правой и левой предплюсны, девять плюсневых костей и четыре фаланги пальцев ног взрослого человека. Крупные размеры эпифизов трубчатых костей и костей в целом свидетельствуют о мужской половой принадлежности индивида; возрастные изменения пяточных и малых берцовых костей соответствуют биологическому возрасту старше 45 лет.

Анализ чаши. Чаша изготовлена из медного сплава с примесью свинца (Cu – 97.8%, Pb – 1.75%, Fe – 0.18%, Ag – 0.14%). Проведенный трассологический анализ позволил реконструировать процесс ее изготовления. Сначала металл расковали в тонкий лист. Из-за плохой сохранности краев чаши трудно установить, расковывался ли металл сразу в округлую заготовку или был обрезан по краям позже. Однако можно предположить, что округлая форма была придана заготовке до начала работ по выколотке чаши. На это указывает сохранившееся плавное, но неравномерное изменение высоты стенок чаши по всему диаметру изделия. Таким образом, форма чаши была получена из округлой заготовки методом выколотки. На внутренней поверхности чаши, особенно на стыке дна и стенок видны следы ударов полукруглой формы (рис. 3а, 3б).

После создания формы чаши в стенках пробиты два сквозных отверстия для фиксации ручки (рис. 3в): овальное отверстие было пробито с внутренней стороны изделия. Вокруг и немного ниже отверстия на стенке чаши зафиксированы следы крепления ручки – отпечатки, расположенные в форме круга.

Железная ручка фрагментирована, что затрудняет какие-либо предположения о ее изготовлении. Среди фрагментов ручки найден изогнутый элемент с округлым и плоским окончанием, по краю которого видны следы медной коррозии (рис. 3г). Диаметр плоского загнутого окончания составляет ~8 мм, что схоже с диаметром следов крепления на внешней стороне стенки чаши. Ве-

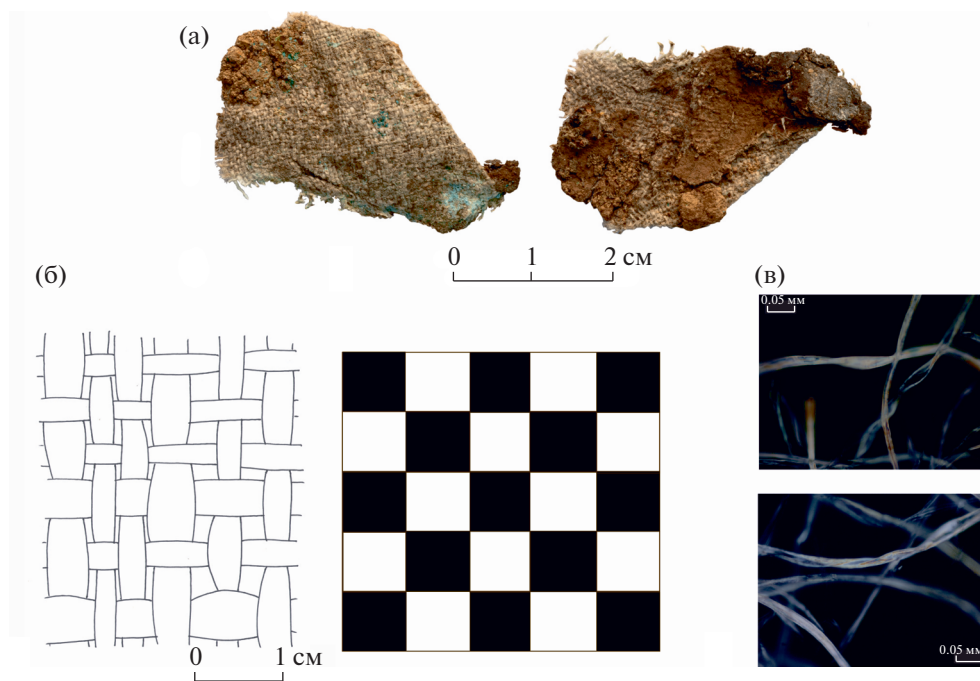

Рис. 4. Фрагмент хлопковой ткани из захоронения в балке Большая Элиста: а – общий вид, б – схема текстильного переплетения, в – микрофотографии хлопковых волокон.

роятно, края ручки были прикреплены к стенке чаши с внешней стороны и закреплены с внутренней чем-то наподобие клепок, имеющих несколько меньший диаметр (~5 мм). Четкие контуры места крепления на стенках чаши без следов износа (рис. 3в) указывают, что данная конструкция была неподвижной, железная ручка была зафиксирована на чаше в одном положении.

Технологический анализ текстиля позволил определить природу волокна. Ткань изготовлена из хлопка, на что указывает лентообразная морфология волокна (рис. 4). Следов крашения не обнаружено. Размеры сохранившегося фрагмента 3.9×2.6 см. Это хлопковая неокрашенная ткань полотняного переплетения 18×18 н/см². Нити основы и утка Z-крутки выбраны условно (кромка не сохранилась). Толщина нитей основы 0.3–0.5 мм, шаг крутки 0.55–0.65 мм; толщина нитей утка 0.2–0.45 мм, шаг крутки 0.65–0.7 мм. Расстояние между нитями по основе 0–0.3 мм, по утку 0.15–0.5 мм.

Изотопный анализ текстиля. Вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ во фрагменте хлопковой ткани из погребения в Балке Большая Элиста оказались самыми низкими и составили 0.70835. Они совпали с отношениями изотопов стронция в другой археологической хлопковой ткани эпохи средневековья – из могильника Иноземцево в Ставропольском крае.

В качестве локальных фоновых образцов, характеризующих биодоступный стронций, ис-

пользовали опубликованные [14, 15] и новые данные по растительности, улиткам, зубам местных животных (корсак), почве. Отметим, что на изотопные отношения стронция оказывают влияние разные факторы, включающие в себя и поверхностные отложения, и атмосферные осадки – пыль и дождевая вода [16].

На основании комбинации изотопных данных природных элементов экосистемы можно определить вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в балочной системе реки Сал: 0.7086–0.7088 – от восточной окраины села Ремонтное до балок Песчаная/Немашкалова; 0.7096 – в устье балки Немашкалова; 0.7093 – в балках Темрта и Цэкета; в балочной системе реки Маньч: 0.7091–0.7096 в балке Чикалда, 0.7093–0.7094 – в балке Денисовская, 0.7095 – в балке Кереста, 0.7098 – в балке Волочайка (рис. 5).

Сравнение полученных данных с опубликованными данными по Среднему и Нижнему Подонью [12] позволяет отметить, что изотопный состав стронция в исследованных природных элементах экосистемы варьирует от 0.7091 (город Волгодонск) до 0.7085 (село Ремонтное Ростовской области); на Нижнем Дону и реке Аксай – 0.7088–0.7090. В целом регион с вариациями стронция 0.7085–0.7091 охватывает долину реки Дон от среднего до нижнего течения, включая и часть балок бассейна реки Сал – притока Дона, и юго-восточное Приазовье. Вариации отношений изотопов стронция в балочной системе реки Ма-

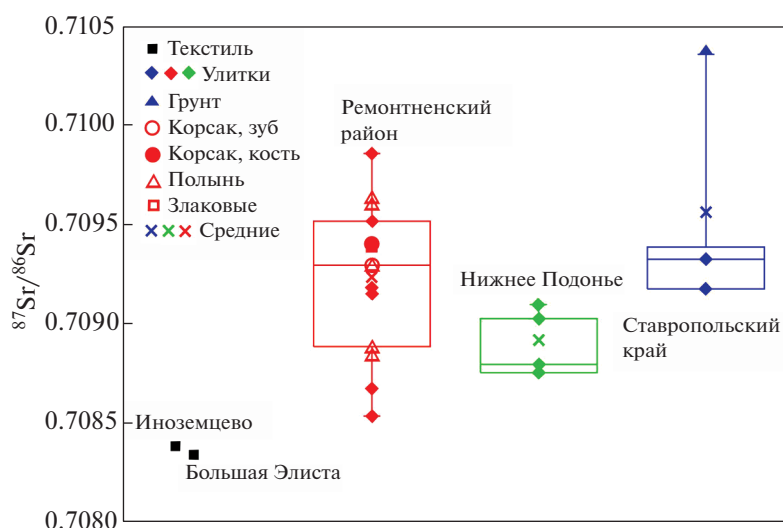

Рис. 5. Вариации изотопов стронция в текстиле из захоронений и в объектах фона (растительности, раковинах улиток, зубах и кости корсака, грунта), приведенные в виде “ящика с усами”. Границами ящика служат первый и третий квартили (25-й и 75-й процентиля соответственно), точки в середине ящика – средние, а “усы” – 5 и 95%.

ныч отличаются более радиогенными значениями (до 0.7098).

Вариации отношений изотопов стронция в природных образцах улиток равнинной зоны Ставропольского плато составляют 0.7091–0.7093 (рис. 5). В основе возвышенности лежит древний фундамент герцинского возраста, смятый в многочисленные складки. Сверху он перекрыт мощной (1.5–2 км) толщей мезозойских, палеогеновых и неогеновых отложений. Могильник Иноземцево расположен на восточном склоне горы Бештау. Относительно пологая нижняя часть горы сложена морскими палеогеновыми глинами, реже мергелями и алевролитами, и рассечена радиальной системой глубоких балок. В седловине между Бештау и Малым Бештау сохранился остаток покрова пестрых пизолитовых туфов – следов неогеновой вулканической деятельности.

Для почвенного образца со дна могилы из Иноземцево получено самое радиогенное значение вариаций отношений изотопов стронция – 0.71036, вероятно, обусловленное влиянием расположенных на изучаемой территории Ставропольского края молодых вулканических комплексов субщелочных трахириолитов или глинистым составом почв.

Радиоуглеродное УМС-датирование. Были датированы фрагмент хлопковой ткани и кость ов-

цы. Радиоуглеродный возраст разных углеродсодержащих образцов совпал (табл. 1). Результаты позволили отнести захоронение к последней четверти XIII в.

ОБСУЖДЕНИЕ

Восстановленный исторический контекст. Исследование показало, что в склоне балки Большая Элиста примерно в последней четверти XIII в. (1275–1300 гг.) был похоронен мужчина около 45 лет. Удила и стремяна являлись обязательным снаряжением средневекового воина [1]. Медные, железные чаши в кожаных или тканых чехлах – частая находка в золотоордынских погребениях [4]. Возможно, мужчина принимал участие в воинском походе или входил в свиту золотоордынского хана. Какие же исторические события происходили на юге Восточной Европы в это время.

К 1266 г. Золотая Орда стала независимым государством [17], ее возглавил хан Менгу-Тимур, внук Бату-хана. При его правлении власть хана укрепились; в 1271 г. состоялся поход на Константинополь, захват аланского города Деякова [17, 18]. После смерти Менгу-Тимура обострилась борьба монгольской знати за ханский престол (1282/1283 и 1287–1291 гг.), при ханах Туда-Менгу (1282–

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования с применением ускорительной масс-спектрометрии

Лабораторный номер	Образец	^{14}C дата ВР	^{14}C калиброванное н.э. (вероятность)
Poz-131051	текстиль/хлопок	740 ± 30	68.3% вероятность [1261: 1291] 1.0 95.4% вероятность [1225: 1298] 1.0
IGAN _{AMS} -7785	кость овцы	740 ± 20	68.3% вероятность [1274: 1289] 1.0 95.4% вероятность [1266: 1299] 1.0

1287 г.), Тула-Буги (1287–1291 г.) и Токте (1291–1313 г.) в борьбу за ханский престол вступил золотоордынский беклярбек Ногай. Кризис пришелся на 1297/1298 г., когда Ногай предъявил права на золотоордынский престол, но переход на сторону хана Токты значительной части аристократической верхушки привел к поражению Ногая [19].

Полученные результаты исследования сохранившихся в разрушенном захоронении артефактов позволяют связать погребение с этими драматическими событиями.

Среди погребальных даров мужчины-воина отметим два предмета — фрагмент хлопковой ткани и чашу из медного сплава.

Чаши, аналогичные найденной в разрушенном погребении в балке Большая Элиста, обнаружены в средневековых комплексах второй половины XIII–XIV вв. в междуречье нижнего Дона и Волги [20], включающего и балочную систему Сальско-Маньчской гряды. Исследователи относят такие изделия к ритуальным погребальным дарам монгольских захоронений [3, 4]. Нижнее Подонье стало заселяться монголами после западноевропейских походов со второй половины XIII в. [3]. С этого же времени вдоль Волги проходили ежегодные пути передвижения джучидских ханов [20]. Таким образом, среди личных вещей похороненный в Сальской степи воин имел медную чашу в тканом футляре — атрибут монгольских кочевников юга Восточной Европы, т.е. региона, население которого было активно вовлечено в борьбу за золотоордынский престол с 1282 по 1298 гг. Проведенное радиоуглеродное датирование вписывает временной интервал совершения захоронения воина в последнюю четверть XIII в., т.е. в период междоусобиц среди монгольского населения.

Дополнительные данные о биографии воина из Большой Элисты можно получить при анализе фрагмента ткани. Текстиль из хлопка появляется впервые в Индостане в VI тыс. до н.э. [21] и постепенно распространяется в южных регионах Центральной Азии. В эпоху раннего средневековья хлопковые ткани приобретают высокий статус и по Великому шелковому пути попадают в Европу [22, 23]. Одним из центров производства хлопковых тканей был хорезмийский Мерв, древнейший город Центральной Азии, а также другие центральноазиатские города [24]. В списке предметов средневекового арабского географа Шамсуддина Мухаммада ибн Ахмад аль-Мукаддаси, импортируемых в 985 г. из хорезмийских городов Центральной Азии, особое место занимают изделия из хлопка [22, 25]. В 1221 и 1222 гг. Мерв дважды был завоеван войсками Чингис-Хана.

Другим регионом, где выращивали в это время хлопок, была Индия, в XI в. хлопок стали возделывать в Китае [26]. При раскопках монгольского города Каракорума найдены шерстяные, шелковые, а также хлопковые изделия [27].

В эпоху монгольских завоеваний и Золотой Орды торговые пути из Центральной Азии в Восточную Европу контролировались монголами [22]. С XIII в. караваны купцов шли через Яик (река Урал) по дороге, которая функционировала с X–XI вв. и позже получила название Ногайской, соединяющей Сарайчук на западе и хорезмийский Ургенч на востоке [20]. Возможно, что по Великому шелковому пути, включающему и Евразийские степи, хлопковые ткани попадали с востока далеко на запад — вместе с другими престижными предметами обмена или как детали костюма или аксессуаров монгольских воинов.

Таким образом, можно предположить, что шелковые и хлопковые ткани попадали далеко на запад, в том числе в Донские степи, через монгольское торговое посредничество или с самими монголами или их союзниками. В захоронениях могильника Маячный бугор в Астраханской области, который располагался недалеко от Сарая — важного торгового центра на пути караванов с востока, найдены богатые одежды, сшитые из шелка и хлопка [27], а также монеты, чеканенные при хане Токте — участнике борьбы за ханский престол конца XIII в. На одном фрагменте выткан тюркский текст, что позволило связать происхождение ткани с Восточным Туркестаном. Сами погребения относятся к захоронениям индивидов, принадлежавших к восточным мигрантам, вовлеченным в монгольские походы на запад [27–29].

Вариации отношений изотопов стронция во фрагменте хлопковой ткани из Большой Элисты составляют 0.7083. Такие же значения получены для фрагмента текстильного изделия из хлопка из средневекового захоронения 29 из могильника Иноземцево в Ставропольском крае.

Сравнительный анализ с фоновыми показателями Ремонтненского района Ростовской области, Нижнего Подонья [14], а также Ставропольского края позволяет высказать предположение, что хлопковые ткани не могли быть местными, они попали в Донские и Ставропольские степи скорее всего с востока, по торговым маршрутам Великого шелкового пути, или как аксессуары монгольских воинов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование разных компонентов из разрушенного захоронения в балке Большая Элиста Ремонтненского района Ростовской области позволило получить дополнительные данные о “биографии” средневекового мужчины 45 лет. Скорее всего он был воином-всадником, погибшим в трагических событиях конца XIII в. Его похоронили в открытой степи на первой надпойменной террасе притока реки Сал в Балке Большая Элиста. По каким-то причинам место захоронения не было отмечено ни курганной насыпью, ни каким-либо иным могильным

знаком. Фрагментарность скелета – отсутствие черепа – не позволяет провести анализ относительных изотопов стронция зубов и определить, был ли местным или чужаком этот воин.

Косвенным указанием на то, что он мог быть монголом, является тип погребения, так как захоронения знатных монголов тщательно скрывались, тело умершего помещали в “яму под землей”, полностью планируя место погребения [31]. Редкость таких захоронений на юге России свидетельствует, что такой обряд вряд ли можно считать типичным. Однако по мнению антропологов именно с XIII в. в степной зоне Восточной Европы появляется монгольское население [32].

Среди погребальных даров обнаружили широко распространенные детали средневекового уздечного набора и стремена. Медная чаша и хлопковая импортная ткань (сохранившийся фрагмент тканного футляра) позволяют предположить, что этот мужчина не был простым всадником и мог относиться к воинскому монгольскому сословию.

Авторы выражают благодарность А. Мамоновой за проведение технологического анализа фрагмента хлопковой ткани и А. Шевцову за определение элементного состава сплава чаши.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 115 с.
2. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.
3. Ларенок В.А. // Донские древности. Выпуск 1. Азов: Изд-во Азовского музея краеведения, 1992. С. 175.
4. Потемкина Т.М. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, № 1. Донецк: Донецкий национальный университет, 2007. С. 279.
5. Bronk Ramsey C. // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 1. P. 337. <https://doi.org/10.1017/S0033822200033865>
6. Reimer P., Bard E., Bayliss A. et al. // Radiocarbon. 2013. V. 55. № 4. P. 1869. https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.55.16947
7. Ениосова Н.В. // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. IV Казань: Отечество, 2014. С. 143.
8. Белов Ф.А., Егоров А.И., Погребнов Н.И. Геология СССР. Т. 46. Ростовская, Волгоградская, Астраханская области и Калмыцкая АССР. М.: Недра, 1969. 666 с.
9. Анкушева П.С., Киселева Д.В., Бачура О.П. и др. // StratPlus. 2021. № 2. С. 69.
10. Kiseleva D.V., Chervyakovskaya M.V., Shishlina N.I., Shagalov E.S. // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Miass: Springer, Cham., 2021. P. 27–32. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48864-2_4, 27–32
11. Трофимов В.Г. Опорные инженерно-геологические разрезы лессовых пород Северной Евразии. М.: КДУ, 2008. 608 с.
12. Еременко Е.А., Панин А.В. Ложбинный мезорельеф Восточно-Европейской равнины. М.: МИРОС, 2010. 192 с.
13. Петренко В.Г. Отчет о раскопках Ставропольской экспедиции летом 1976 г. Научный Архив ИА РАН, Р-1,6824.
14. Шишлина Н.И., Ларионова Ю.О. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск XI. Ставрополь: Наследие, 2013. С. 159.
15. Шишлина Н.И., Киселева Д.В., Медведева П.С. и др. // Геоархеология и археологическая минералогия. Миас-Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2020. С. 41.
16. Киселева Д.В., Шагалов Е.С., Рянская А.Д., Панкрушина Е.А. // Геоархеология и археологическая минералогия. Миас-Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2021. С. 49.
17. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 428 с.
18. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Молдовское книжное издательство, 1960. 279 с.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 181 с.
20. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2001. 752 с.
21. Moulherat Ch., Tengberg J., Mille B. // J. Archaeol. Sci. 2002. № 29. P. 1393. <https://doi.org/10.1006/jasc.2001.0779>
22. Christian D. // J. World History. 2000. V. 11. № 1. P. 1.
23. Doumani P.N., Spengler III R.N., Frachetti M.D. // Quaternary International. 2018. V. 468. P. 228. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2016.09.067>
24. Массон В.М. Мерв – столица Маргианы. Мары: Изд-во г. Мары, 1991. 73 с.
25. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1900. 573 с.
26. Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1964. 791 с.
27. Елихина Ю.И. // Кочевники Евразии на пути к Империи. Из Собрания Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, АО “Славия”, 2012, С. 250.
28. Orfinskaya O., Lantratova O. // Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems). Wrocław: Wrocław University, 2012. P. 123.
29. Rudakov V., Sidorova T.V. // Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems). Wrocław: Wrocław University, 2012. P. 135.
30. Matonova A.A., Savelova A.V. // Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems). Wrocław: Wrocław University, 2012. P. 143.
31. де Плано Карпини И. История монголов (путевые заметки). М.: Таус, 2008. 95 с.
32. Алексеев В.П. // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л.: Наука, 1985. С. 307.